

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 496-505.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.496
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Excess with the Misost Clan in Kabarda in the 1740s and Competing Scenarios for Stabilizing the Political System

Timur H. Aloev ^{a,*}, Yulia V. Bunkova ^b, Osman A. Zhansitov ^a

^a Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (IHR KBSC RAS), Russian Federation

^b Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation

Abstract

This article attempts to identify one of the modes of overcoming the internal political conflict in Kabarda through a comparative analysis with the initiatives system of the Russian government to overcome the collision destructive for its interests in the neighboring principality. The work reveals the main attitude of the Russian side towards Greater Kabarda in the period after the conclusion of the Belgrade Treaty of 1739. Though before that Russia showed a desire to preserve the unity of the political elite of the principality as a guarantee of effective opposition to the Crimean expansion in the region, then from the end of the Russian-Ottoman war of 1735–1739 St. Petersburg's goals in relation to traditional partners are undergoing changes. The task of the Russian foreign policy department was to maintain the situation of competition between the two groups of Circassian princes. As the Baksan party was the most consistent counterparty of St. Petersburg since the mid-20s. of the XVIII century, the stake was placed on it. In the spring of 1747, one of the pillars of this group, the feudal Misost clan, was forced to leave the principality. Thus, the stability of Russian influence in the affairs of the “barrier” principality came under threat. This prompted the Russian leadership to try to restore a status-quo acceptable to its interests. The trendsetters for restoring the internal political balance in Kabarda were also the triad of Tlekotlesh clans – Kundet, Tambi (y) and Anzor, dissatisfied with the destabilization of the political system and possessing sufficient ideological and military-political resources to force the dominant princely alliance to agree to the return of the exiles.

Keywords: Kabarda, Baksan party, Kashkatau party, Misost Kasai, exile, Tlekotleshi, Russian Empire, reintegration, Belgrade treaty, Crimean Khanate.

1. Введение

К началу XVIII в. ведущее черкесское княжество – Большая Кабарда структурно делилось на четыре автономных феодальных удела: Хатокшоко, Мисост, Бекмурза и Кайтуко. К исходу второй декады столетия эти уделы, возглавлявшиеся одноименными кланами, раскололись на два враждебных политических лагеря, в российских источниках они именуется партиями (КРО, 1957: 153). Первую из них – Баксанскую – образовали княжеские фамилии Хатокшоко и Мисост, соответственно, вторая, получившая название Кашкатауская, была сформирована представителями кланов Бекмурза и Кайтуко.

Исходя из опыта длительного невраждебного взаимодействия с Кабардой и учитывая ее положение мощнейшей феодальной агрегации Северного Кавказа, российское руководство было заинтересовано в преодолении внутривнутриполитического раскола в ведущем черкесском княжестве. И хотя инструменты, к которым оно обращалось для достижения своих целей, зачастую выходили за рамки конвенциональной дипломатии, политика Петербурга в преобладающей степени консонировала идее поддержания внутренней сплоченности политической элиты Большой Кабарды.

* Corresponding author

E-mail addresses: aloborsa@mail.ru (T.H. Aloev), y.bunkova@inbox.ru (Yu.V. Bunkova), osman.zhansitov@yandex.ru (O.A. Zhansitov)

После российско-османской войны 1735–1739 гг. начался отход Петербурга от устоявшегося курса в отношении черкесского княжества. С одной стороны, опыт успешного широкомасштабного вторжения на Крымский полуостров убедил российское руководство в потере ханством бывшего могущества (Аваков, 2018: 8-42), а Кабарда со времен Петра рассматривалась в качестве эффективного противовеса его устремлениям в Кавказском регионе. Соответственно эта роль перестала быть безусловно востребованной. С другой стороны, межэлитные противоречия без просматриваемых перспектив их преодоления не предвещали существенной отдачи от затрачиваемых усилий, направленных на их изживание. К тому же в условиях зафиксированного в Белградском трактате независимого статуса Кабарды предопределенность пророссийской ориентации консолидированной княжеской олигархии была далеко не очевидной. Актуализация любой платформы межэлитного консенсуса, имплицитно или явственно не подразумевавшей пророссийский политический курс черкесских правителей, так или иначе подвергала сомнению устойчивость прикаспийских коммуникаций империи. Нельзя сбрасывать со счетов и роль манифестируемой идеи «имперскости» российской державы с встроеной в нее парадигмой камералистского упорядочения государственного механизма, что, по крайней мере в идеале, подразумевало отказ Петербурга от неоднозначных модусов взаимодействия с сопредельными политиями – обладателями неевропейского *qualia*. Как бы то ни было, вскоре после подписания Белградского договора 1739 г. российское руководство стало следовать курсом «устойчивого вмешательства» в дела Большой Кабарды.

Содержание нового вектора петербургской политики в отношении давнего партнера было подробно рассмотрено ранее (Алоев, Жанситов, 2018: 14-22). В лапидарном изложении оно сводилось к систематическому стимулированию противоречий расколотой княжеской олигархии и поощрению деструктивных начал политического устройства ведущего черкесского княжества. Подобная установка реализовывалась через дискриминацию одного из центров силы: предоставление преференций Баксанской партии в ущерб «кашкатауцам». Вместе с тем позиция Коллегии иностранных дел включала в себя идею о недопустимости решительного перевеса «баксанцев» над «кашкатауцами». В этом усматривалась потенциальная возможность к устранению основной предпосылки российского вмешательства во внутренние дела Большой Кабарды. Ввиду актуализации подобных приоритетов в Петербурге пристально следили за поддержанием здесь приемлемой для него внутривнутриполитической конфигурации. В свою очередь дезинтеграционные тенденции в Кабарде облегчали решение сформулированных задач северного соседа. Всю первую половину 40-х гг. XVIII в. механизмы одновременного контроля «кабардинских владельцев» были довольно безотказными. Однако такая система вмешательства в дела княжества оказалась недолговечной.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование опирается на массив документов, отложившихся в обширном фонде 115 «Кабардинские дела» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Коллекция материалов этого хранилища, являющаяся результатом более чем столетнего скрупулезного архивирования документации взаимодействия внешнеполитического ведомства России с восточноевропейскими княжествами, представляет собой уникальный и во многих случаях безальтернативный резервуар первоисточников. Подобное положение, и в частности формулировка определяющей коллизии в Кабарде в ведомственных документах Коллегии иностранных дел в терминах противостояния Баксанской и Кашкатауской партии на столетия вперед, определило базовый исследовательский ракурс проблематики.

Из состояния изученности предмета закономерно проистекает направленность и специфика дальнейших поисков. В случае с эксцессом клана Мисост речь идет о необходимости преодоления ситуации фрагментированности (и взаимной изолированности) отрефлектированных аспектов вопроса посредством реконструкции каузальных связей между всей совокупностью факторов и обстоятельств, формировавших профиль затрагиваемой проблематики. Следовательно, актуальность настоящей инициативы обусловлена необходимостью выстраивания интегрированной гносеологической рамки объяснения специфических обстоятельств политической жизни черкесского княжества, ориентированной на выявление действенных механизмов урегулирования внутренних конфликтов. Специфика исторического сюжета, развязку которого могли детерминировать две альтернативные (и, объективно, конкурирующие) тактики активности, предопределили необходимость обращения к компаративистскому, соотносительному инструментарию. Поэтому сценарии действий, предложенных каждым из акторов (условно «российским» и «тлекотлешским»), взявших на себя миссию политического урегулирования, в повествовании рассматриваются с строгим соблюдением процедуры направленной дистрикции. Вместе с тем очевидно, что только при сохранении целостного видения динамики процесса возможно адекватное осмысление сюжета. Историко-диахронная оптика, позволяющая высокую степень фокусировки на каждом из событийно-смысловых алгоритмов соотносимых «механизмов деэскалации», предоставляет дополнительное преимущество. А именно обеспечение возможности непрерывного индицирования «диспозиции» между двумя сопоставляемыми процессуальными сущностями и их места в двуединой смысловой

матрице рассматриваемого сюжета. Сочетание представленных исследовательских приемов в свою очередь, повышая степень сбалансированного взгляда на «статичную» и «динамичную» составляющие анализа, несомненно расширяет стереоскопичность видения сюжета.

3. Обсуждение

Сюжеты, связанные с противоречиями между Баксанской и Кашкатауской группировками черкесских князей как в широком хронологическом и проблемном плане, так и в узком коридоре событийной канвы 40-х гг. XVIII в. достаточно давно оказываются в центре исследовательского внимания историков. Уже в ведомственных документах Коллегии иностранных дел форма базовой коллизии в Кабарде определяется через оппозицию Баксанская–Кашкатауская партии (КРО, 1957: 153). Относительная релевантность такого видения отдельных аспектов межэлитного взаимодействия, предоставляемые «удобства» в препарировании массива фактографии и длительное фигурирование подобного взгляда в оперативном обиходе имперского бюрократического аппарата предопределили востребованность дихотомической модели осмысления политического процесса в Кабарде первой половины – середины XVIII в. в рамках историографических инициатив дореволюционного периода. Авторы этого времени достаточно плодотворно использовали эвристический потенциал такой объяснительной модели. Предельно лаконично можно коснуться одного из важных тезисов П. Буткова о «содержании в Кабарде двух равносильных партий» как основополагающей установке российского руководства (Бутков, 1869: 324). Н. Грабовский рассматривал межкняжеские перепитии 40-х гг. XVIII в. сквозь призму их роли в общей канве предпосылок, подготовивших последующее жесткое взаимодействие Кабарды с Россией (Грабовский, 2020: 20). Интерес вызывают и суждения другого автора имперского периода – В. Кудашева. Касаясь завязки рассматриваемого здесь сюжета, он отмечает: «Борьба партий в Кабарде открывала для России путь широкого влияния на кабардинские дела» (Кудашев, 1991: 59). Ознакомление с особенностями взаимодействия Российской империи и Большой Кабарды рассматриваемого периода вполне удостоверяют в фундированности подобной позиции.

После длительной паузы, вызванной катаклизмами первой половины XX в., возобновляется исследовательский интерес к вопросам политической истории восточночеркесского княжества. Если в начале исследовательские интенции, реализованные по ортодоксальным лекалам советского дискурса, мало что приносили в понимание предмета (Бушуев, 1956; Гарданов, 1967; Тхамоков, 1961), то по мере приложении дополнительных усилий стали заметны качественные подвижки в данном направлении. Особенно продуктивными стали разработки Е. Налоевой, расширившей представления об институциональных механизмах социальной жизни Кабарды (Налоева, 1968: 61-82). Ввиду того, что именно в ходе коллизий с наибольшей выраженностью проявляется эффективность социальных институтов, автор умело фокусировался на различных конфликтах рассматриваемого времени. Такая оптика позволила вскрыть ряд важных с точки зрения настоящего текста аспектов внутривосточных перипетий в Большой Кабарде середины XVIII в. (Налоева, 1972: 69-88).

Институциональная рамка анализа политических реалий восточночеркесского княжества чрезвычайно продуктивно использована В. Кажаровым. Аккумулированный в его работе обширный источниковый материал и пересмотр схематичных представлений и стереотипных взглядов на всю совокупность актуальных социальных институтов посредством консеквентного анализа обеспечили платформу дальнейших продуктивных изысканий (Кажаров, 1994). В работах авторов постсоветского периода данная тенденция отображается в достаточно зримых формах (Алоев, 2005; Фидарова, 2007; Рахаев, 2014; Хотко, 2009).

Новые аспекты калмыцкого и черкесского факторов в рамках российско-османской войны 1735–1739 гг., исход которой предопределил сдвиг внешнеполитического баланса между региональными державами, раскрыты в работе В. Тепкеева (Тепкеев, 2020). Постбелградский контекст международных отношений, существенным образом влиявший на «внутриполитические» перипетии в Большой Кабарде, получает значимое отражение в исследованиях Р. Дейникова (Дейников, 2009) и Ю. Азиковой (Азикова, 2016).

4. Результаты

Обструкция клана Мисост. Со смертью Кайтуко Асланбека во второй половине 1746 г. конфигурация внутривосточных сил в княжестве претерпела существенные изменения. Уход *пцышхуэ* (буквальный перевод с черкесского – «великий князь») Большой Кабарды обнажил до того приглушаемые «противоборством» с «кашкатауцами» линии раскола внутри столь привлекательной российским руководством группировки. Сложно сказать, что послужило триггером выхода коллизии из латентного состояния, но источники позволяют наметить абрис событий, в контексте которых стала возможной эскалация. В этом плане весьма информативны сведения российских агентов в Кабарде полковника Р. Шейдякова и премьер-майора Барковского. Их ретроспективный анализ предлагал следующее объяснение: «та сора происходит за владельца Какамата Кайтукина (Кайтуко Канагат – Авт.), котораго убили уздени Бамата Кургокина (Хатокшоко Бамат – Авт.); Касай Месоусов (Мисост Касай – Авт.), по дружбе в тогдашнее время с Кургокиным, то снял на себя, якобы он

Какамата, убил, а не уздени Кургокина, и за то Кургокин обязался ноиболее с ним, Касаем, нерушимо дружбу продолжать. А потом чрез немалое время он, Бамат, согласясь кашкатовской парти[и] владельцами Кайтукиными и Бекмурзинными, которых ис Кабарды он, Кургокин обще с Касаем выгнали, наруша то обязательство ево, Касая, и з братьями он, Бамат, обще с реченными владельцами от Кабарды выгнал, и потом Кайтукиным и Бекмурзинным дал присягу, что Какамата, брата их, убили подлинно уздени и холопья Касаевы, а не он, Бамат...» (КРО, 1957: 173). Таким образом, Хатокшко Бамат актуализировал эксцесс тридцатилетней давности (1721) для решения новых задач, возникших после смерти *пцъшхуэ* Кайтуко Асланбека; пока он был жив, союз с кланом Мисост представлялся залогом успешного парирования поползновений харизматичного князя Асланбека. Именно под предводительством лидера клана Мисост в 1729 и 1731 гг. «баксанцы» успешно отражали инспирированные изгнанным в свое время из Кабарды Кайтуко Асланбеком крымские вторжения. Со смертью последнего нужда в тяготившем князя Бамата тандеме отпала, и тридцатилетняя монолитность Баксанской партии дала трещину. Источники сообщают, что «оставшие владельцы, братья и дети его (Кайтуко Асланбека – Авт.) в 1747-м году с старшим баксанским владельцем» Хатокшко Баматом, «посредством детей его от расланбековой сестры рожденных, примирились и согласились так, что одним без других ничего не делать и ни с кем не списываться, и тогда выгнали с Баксану» Мисоста Касая «с его братьями, а сами и с своими подданными для житья перешли в Баксан и завладели Касаевыми подданными» (КРО, 1957: 155). Подробности происшедшего позволяют объемнее взглянуть на коллизию. Так, пытаясь придать своему маневру легитимный оттенок, Хатокшко Бамат сообщал российскому представителю: «Только как я с владельцами Месоусовыми на суд вышел и между нами много было слов, а напоследок они повинились суду и, по своей вине убоясь, в вашу сторону убежали» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, Д. 6. Л. 47). Разумеется, данное изложение событий не могло быть непредвзятым. Для начала князь клана Мисост (видимо, еще надеясь на возможность урегулирования конфликта) удалились к своим вассалам в «Абазу». Однако «князя-гегемоны» оперативно созвали к себе «старшин чеченских, дутурских, балкарских, карачай, абазинских» и объявили той их части, которая непосредственно находилась в юрисдикции удела Мисост, чтоб отныне «подвластными их людьми не называться» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 3. Л. 53). Дезавуирование вассальных обязательств от обществ иноэтнической периферии Кабарды и их переключение на триаду княжеских кланов было веским подтверждением решимости подрыва влияния Мисост в княжестве.

Подобный поворот во внутривластных перипетиях в «нейтральном», но до тех пор ориентированном на партнерское взаимодействие с Россией восточночеркесском княжестве не мог не обеспокоить Коллегию иностранных дел. После появления в Кизляре Мисост Касая со своим кланом российская сторона начала проявлять активность в деле урегулирования межкняжеской коллизии в Кабарде. Однако попытки астраханского губернатора Брылкина и вице-канцлера Бестужева-Рюмина убедить княжескую коалицию отказаться от преследования клана Мисост не увенчались успехом.

В начале 1748 г. зыбкое равновесие в недавно оформившейся коалиции князей было нарушено. На созванном *пцъшхуэ* съезде князей предметом обсуждения стали тайные сношения Хатокшко Бамата и Кайтуко Джамбулата с крымским ханом. Они втайне от остальных князей зондировали позицию Бахчисарая в случае наступления России «за изгнание ими ис Кабарды» клана Мисост. Дело дошло до того, что одного из заговорщиков Кайтуко Джамбулата решил убить родной племянник Кайтуко Хамурза (КРО, 1957: 158).

Подобные обстоятельства не могли ускользнуть от внимания членов клана Мисост. Особо заманчивые перспективы стали просматриваться после того, как задетый закулисными интригами сородичей Бекмурза Батоко обозначил идею того, что «нынешним летом возьмут они (*пцъшхуэ* и лояльные ему князья – Авт.) его, Касая, с партией к себе в Кабарду» (КРО, 1957: 158). При этом *пцъшхуэ* принимал в расчет, что возвращение клана Мисост в актуальную внутривластическую диспозицию критически усиливало его положение перед лицом фрондирующей группировки.

Столь явная коллизия в лагере обидчиков клана Мисост была расценена им как возможность для «перепостановки» вопроса о своем возвращении перед российской стороной. К тому же артикулированные опасения относительно возможной насильственной реставрации изгнанного из Кабарды клана могли подтолкнуть князей Мисост к проработке именно этого, вызывавшего наибольшие беспокойства у их антагонистов сценария. Следует отметить, что возвращение в Кабарду при поддержке одной из конфликтующих сторон не означало автоматического возврата утерянных позиций. В случае реализации такого сценария клан Мисост оставался бы уязвимым и неполноправным участником политического процесса. Поэтому, видимо, был признан более целесообразным возврат в разрозненное политическое пространство княжества с опорой на мощь Российской империи. Однако ее правительство не спешило безоговорочно поддержать пусть и лояльный, но предельно ослабленный и изолированный клан Мисост в желательном для его интересов модусе. Петербургу необходимо было принять новые реалии во взаимодействии с Кабардой, что требовало времени. Поэтому для всех акторов данной коллизии стало очевидно, что вопрос с князьями Мисост «проволочитца» российской стороной (КРО, 1957: 166).

Российский сценарий. Линия на «проволачение» не могла быть долговечной, поэтому Коллегия иностранных дел не стала злоупотреблять данной опцией и вскоре сформулировала свою позицию. Она была предъявлена в «Записке, по которой кабардинскому владельцу Касаю Атажукину (Мисост Касаю – Авт.) объявлены притчины, для чего посылать нельзя в Кабарду российских войск для его тамо утверждения» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 3). Документ предназначался пограничным властям, непосредственно вовлеченным в перипетии, вызванные изгнанием Мисост. Определяя общую установку правительства, он выступал в качестве своего рода инструкции в предстоящих контактах с заинтересованными актерами, транслируя риторическую стратегию Петербурга. Все пять пунктов «Записки» конгруируют с вынесенной в заглавие документа установкой на уклонение Петербурга от вооруженной поддержки князей Мисост в их стремлении утвердиться в Кабарде. Вводный тезис о том, что «давно б мочно было войсками Е.И.В. ево Касая в Кабарде и силою возставить...» (АВПРИ. Ф. 115. «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 1), несомненно, представляется как часть идеологической риторики, на которой зиждился образ державности. Государство, чья имперскость покоилась на военной мощи, не могло уклониться от артикуляции (хотя бы вербальной) своей дееспособности в этой ключевой для его самовосприятия сфере. К тому же эффективность силового воздействия не была однозначно очевидной. Известное «Описание кабардинского народа...», составленное российскими чиновниками как раз в период описываемых событий (май 1748 г.) и признанное кавказоведами в качестве ценного этнографического источника, давало высокую оценку военному потенциалу Большой Кабарды (КРО, 1957: 152-161).

Отказ от действенной вооруженной поддержки изгнанников подтолкнул клан Мисост Касая к попыткам активации иных механизмов восстановления своих позиций в княжестве. После годичного пребывания в Кизляре родовитые скитальцы покинули свое прибежище. По-видимому, доверительных отношений со своими непосредственными контрагентами за это время так и не сложилось. В результате пограничные власти остались в неведении относительно характера, маршрута, конечной цели и намерений строптивых черкесских протезе (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 3). Как бы то ни было, хронологически составление «Записки...» совпало с этим событием. Базовой идеей документа стало положение Белградского трактата 1739 г. относительно трех восточночеркесских княжеств и ограничений, налагаемых на Россию как на ответственного и добросовестного контрагента договора. Рассуждая о необходимости безукоризненной имплементации его требований, Мисост Касаю должно было быть внушено, что «сие с Турецким государством в трактате постановление (шестая статья – Авт.) учинено, более для того, чтобы крымцы и кубанцы их кабардинцев набегами своими необеспокоивали...» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1). Однако данное объяснение можно рассматривать как риторически формальное и содержательно несостоятельное высказывание. Оговорка, которой заключается шестая статья трактата, гласящая о том, что «...ежели помянутые кабардинцы причину жалоб подадут одной или другой державе, то каждой позволяется наказать» (Юзефович, 1869: 19), говорит об обратном. Впервые соседи Черкесии – гегемоны восточноевропейской политики – по взаимному согласию закрепили право на открытое военное вмешательство против трех восточночеркесских княжеств. Это обстоятельство, разумеется, было очевидно и для черкесских князей.

Авторы «Записки...», демонстрируя значимость Белградского договора как гаранта безопасности Кабарды, недвусмысленно обозначили красные линии, выход за которые представлялся неоправданным. В частности, обращалось внимание на то, что Хатокшоко Бамат «с протчеми кабардинскими владельцы донныне к российской стороне, никакой противности наказанию достойной не учинили, а с ним Касаем и с его братьями по их кабардинским обычаям между себя партикулярно поссорились, российских войск на Кабарду посылать противно справедливости, и мирному с Туркиєю трактату, как и он Касай сам разсудить может, что для их кабардинских владельцев партикулярных ссор между двумя великими империями холодность произвести не пристойно...» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1).

В контексте декларации о невозможности военного воздействия на обидчиков клана Мисост, напоминания о последовательных шагах, предпринятых российской стороной в предыдущий период, не могли восприниматься изгнанниками иначе как словесная пилюля, не относящаяся к решению конкретных задач. Прагматически бессмысленным было и предоставление на волю князя Касая судьбы содержащегося в Астрахани в качестве аманата Кайтуко Аслануко. Пространный пассаж о том, что «удовольствие его Касай з братьями и узденями в бытность его в Кизляре кормовыми денгами чинено, как и он Касай признает, в разсуждении прежней его Касаевой служб и в показание к нему высочайшей Е.И.В. милости и другим не в пример» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 2), с точки зрения риторического воздействия на своих протезе также выглядел убедительно.

Внешнеполитическому ведомству необходимо было продемонстрировать более весомый аргумент своего расположения к клану Мисост. В известном смысле беспроегрешным шагом в этом направлении явилось «позволение самому Касаю побывать» в Петербурге для решения своего вопроса (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 3). Однако указание на то, что

предметом обсуждения возможных переговоров князя Касая в Петербурге могли стать только упомянутые «невооруженные» способы его водворения в Кабарде, уже лишало лидера изгнанного клана мотива для поездки в Россию. Словесно подтверждая свою благосклонность к клану Мисост, Петербург, таким образом, транслировал идею невозможности использования крайних мер для восстановления позиций изгнанного клана.

Как бы то ни было, не позже октября 1748 г. расколовшаяся в начале того же года коалиция была восстановлена. В связи с этим самостоятельные инициативы князей Мисост были обречены на провал. Это означало, что и опасения российского руководства, заставлявшие его прибегнуть к определенным уступкам, стали беспочвенными.

Активизация внутренних механизмов реинтеграции. Однако дальнейшие события показали, что ресурсов консолидированного княжеского олигархата недостаточно для окончательной нейтрализации клана Мисост. 3 декабря 1748 г. *пицьишхуэ* Бекмурза Батоко, Хатокшоко Бамат и один из лидеров Кайтуко – Джамбулат собрались на реке Кенже для выработки конкретных шагов по окончательному демпфированию мисостовского фактора на политический процесс в княжестве. Тогда «узденя (знатные дворяне – тлекотлеши – Авт.) Тамбиевы (Тамби(й) – Авт.) и Куденетовы (Кундет – Авт.), пришли и просили владельцев (князей – Авт.): как они, владельцы, выгнали владельцев же Месоусовых из домов, то их узденей всех разграбили». Поэтому они просили «разграбленное возратить». И только после этого «они будут с ними о Месоусовых говорить». Этот демарш тлекотлешей поставил князей в щепетильное положение, но они не могли публично спасовать перед своими вассалами. Поэтому была избрана тактика игнорирования неудобного вопроса. Из вышеизложенного явствует, что тлекотлеши озвучивали мнение большинства дворянского сословия Кабарды, поэтому их требования стали звучать предельно настойчиво. Однако князья были непреклонны и отвечали своим вассалам, «чтоб оне им ныне о том не докучали, ибо владельцы имеют другие важные дела, а не узденские дела разбирать. Почему де и те уздени пошли без удовольствия. С ними ж де Тамбиевыми и Куденетовыми сообщались и Анзоровы уздени» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 5. Л. 57). Последние в это время открыто обозначили свою позицию. Российские агенты, зондировавшие обстановку в «барьерном» княжестве, довели до своего начальства, что тлекотлеши Анзор «приятно» приняли Мисост Касая «и говорили де, что они ево, Касая к себе не призывали, а прислал ево к ним бог и для того они ево, Касая з братьями иметь будут за гостей и с ними готовы помереть, ежели де будет какое нападение» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 5. Л. 52). Тлекотлеши Анзор были предельно однозначны в неприятии дальнейшей маргинализации нашедших у них приют князей. По сути, это был ультиматум со стороны тлекотлешской «касты». 25 декабря гостивший в анзоровском домене Мисост Касай сообщал посетившим его представителям российского командования, что «он, Касай, чрез то уповае свое благополучие сыскать, что коцы с владельцами не согласны» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 6. Л. 42). Таким образом, тлекотлеши, недовольные политической дестабилизацией в Кабарде, взяли инициативу в свои руки и стали последовательно доводить ситуацию до своего экстремума.

Развитие событий по такому сценарию подвигает к необходимости хотя бы лапидарной артикуляции места и возможностей тлекотлешской триады в актуальной политической повестке ведущего восточночеркесского княжества. Классик черкесской литературы Каламбий во второй половине XIX в. отмечал, что «тлохотляш придавалось прежде в Кабарде трем фамилиям (тлабкыш – три рода): Куденет, Тамбий и Анзор, которые, по преданиям, управляли кабардинцами до прихода арабских выходцев (имеется в виду князей – Авт.), и уступили им власть за подарки» (Каламбий, 1987: 254). Это сообщение скорее вычленяет идеологическое влияние данной прослойки как первоначальных строителей восточночеркесских княжеств и своего рода аристократический субстрат, обеспечивший прочность княжеского правления в Кабарде в течение столетий. Однако не меньшее значение особенно в контексте масштабных марциальных коллизий на территории княжества на протяжении первой половины XVIII в., по крайней мере с точки зрения актуальной политической прагматики имели сугубо военные аспекты политического влияния тлекотлешей. Во время княжеских междоусобиц 1721–1725 гг. военная поддержка или же отказ в таковой представителями этого сословия одной из сторон конфликта определяли его исход (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 5. Л. 36; АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 2. Л. 4-5).

О возможностях тлекотлешских родов говорит и их способность уклоняться от выполнения решений всего княжеско-дворянского сословия. Так, в октябре 1753 г. тлекотлешский род Кундет саботировал решение Баксанской и Кашкатауской партий разделиться на две самостоятельные политии, проведя границу между ними по реке Чегем в связи с тем, что эта река протекала по домену клана и делила его на две практически равные части.

Если каждый из тлекотлешских кланов в отдельности мог так явственно проявлять свою субъектность, то совместное преследование интересов несравненно повышало успех инициативы за счет синергетического эффекта. В качестве примера можно обратиться к обстоятельствам, относящимся к началу российско-черкесского противостояния, связанного со строительством крепости Моздок в 1763 г. Когда после заложения укрепления правители Большой Кабарды,

не добившись от российской стороны срытия Моздока, решили переселить население княжества подальше от него на реку Куму, тлекотлеши отказались последовать за своими сюзеренами (КРО, 1957: 273).

Тлекотлешская инициатива оказалась тем эффективнее, что в момент кристаллизации решения об окончательной нейтрализации клана Мисост в конце осени 1748 г. обозначился потенциальный фрондер в рядах самих князей. По иронии судьбы им оказался Кайтуко Ельбаздуко – сын князя Кайтуко Канамата, убийство которого, как выше отмечалось, выставлялось княжеским сообществом в качестве триггера внутривнутриполитического противостояния в Кабарде. Когда в конце ноября 1748 г. возобновленная княжеская коалиция выносила решение о сборе всех сил для окончательного устранения мисостовского фактора, князь Кайтуко Ельбаздуко саботировал данную инициативу. Формальным поводом стало отсутствие на собрании его дяди Джамбулата – старшего удельного князя, чей голос важен в подобном рода форумах. Реальной же причиной явилось полученное Ельбаздуко уже на тот момент согласие числившегося в «убийцах» его отца Мисоста Касая выдать за него свою дочь (Кажаров, 1994: 254). Как бы то ни было, источники указывают именно на клан Кайтуко как на инициаторов реинтеграции князей Мисост (КРО, 1957: 173). Однако очевидно, что без мощной поддержки недвусмысленно обозначивших свою решимость действительно добиваться реинтеграции клана Мисост тлекотлешской триады, князя Кайтуко не смогли бы преодолеть препоны со стороны остальных князей. По-видимому, роль Кайтуко свелась к продвижению тлекотлешской установки без репутационных потерь для князей-доминантов кабардинского политикума.

5. Заключение

Рассмотрение обстоятельств возникновения эксцесса, связанного с изгнанием клана Мисост из Большой Кабарды весной 1747 г. и их полноценной реинтеграцией в политическую систему княжества спустя два года, позволило выявить наличие двух конкурентных траекторий урегулирования кризиса. Инициатором и субъектом реализации первого механизма предстает Российская империя, заинтересованная в сохранении постбелградской внутривнутриполитической конфигурации в восточночеркеском княжестве. Сохранение status quo, предполагавшее наличие двух конкурирующих политических группировок в Кабарде, предоставляло российскому руководству действенный инструментальный контроль, регулирования и манипуляций в «барьерном» княжестве. С окончания последней войны с османами в 1739 г. внешнеполитическое ведомство отдавало зримый приоритет Баксанской партии в ущерб другой группировке черкесских князей – Кашкатауской, при этом не допуская критического превосходства над последней. Данная модель влияния оказалась опрокинутой при изгнании клана Мисост – одного из столпов привечаемой Россией Баксанской партии. Безучастное наблюдение за развитием событий было чревато дальнейшим нарастанием негативных с точки зрения российских интересов тенденций. Поэтому российская сторона не ограничилась предоставлением приюта изгнанникам. В течение лета–осени 1747 г. был предпринят ряд попыток воздействия на княжескую олигархию посредством дипломатических инициатив, однако они не увенчались успехом. Разочаровавшись в неспособности Петербурга действительно поддержать своих давних партнеров, клан Мисост покидает Кизляр. Это обстоятельство вынуждает Петербург более явственно артикулировать свою поддержку политическим париям Кабарды. Чтобы заверить в своей неослабной поддержке клан Мисост, российское внешнеполитическое ведомство подготовило специальный документ, призванный рассеять возможное впечатление отстраненности Петербурга от насущных проблем преследуемых князей. Однако документ не предполагал выхода за рамки благожелательной риторики в адрес Мисост. Практические же шаги, приведшие в итоге к реставрации положения изгнанного клана, стали возможными благодаря активации внутренних механизмов стабилизации политической системы княжества. Основными актором этого процесса стала триада тлекотлешских родов Большой Кабарды, которая вынудила правящую коалицию князей пересмотреть свою стратегию на маргинализацию клана Мисост.

Литература

- Аваков, 2018 – Аваков П.А. Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // *Крымское историческое обозрение*. 2018. № 2. С. 8-42.
- Алоев, 2005 – Алоев Т.Х. Образование партий в Кабарде и вопрос о непрерывности ее государственного суверенитета // *Исторический вестник*. 2005. № 2. С. 100-113.
- Алоев, Жанситов, 2018 – Алоев Т.Х., Жанситов О.А. Политический процесс в Кабарде в 40-х гг. XVIII в.: внутренние коллизии в контексте международного признания «вольности» страны // *Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований*. 2018. № 2 (37). С. 14-22.
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Азикова, 2016 – Азикова Ю.М. Статус Кабарды во взаимоотношениях с региональными державами в XVI–XVIII вв. // *Вопросы истории*. 2016. № 5. С. 60-73.
- Бутков, 1869 – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 г. Ч. I. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1869. 548 с.

- Бушуев, 1956 – Бушуев С.К. К истории русско-кабардинских отношений. Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. 196 с.
- Гарданов, 1967 – Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. Москва: Наука, 1967. 331 с.
- Грабовский, 2020 – Грабовский Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость // Кабарда: слава Кавказа, вольности щит. XVI–XX вв. Пять веков в пяти книгах. Книга III. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. 440 с.
- Дейников, 2009 – Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х гг. XVIII в. // *Российская история*. 2009. № 6. С. 147-157.
- Кудашев, 1991 – Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. 188 с.
- Налоева, 1968 – Налоева Е.Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII в. // *Вестник КБИГИ*. 1968. Вып. I.
- Налоева, 1972 – Налоева Е.Дж. К вопросу о государственно-политическом строе Кабарды первой половины XVIII в. // *Вестник КБИГИ*. 1972. Вып. 6.
- КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы в 2-х томах). М.: Изд. акад. наук СССР, 1957. Т. II. 424 с.
- Каламбий, 1987 – Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса. Нальчик: Эльбрус, 1987. 272 с.
- Кажаров, 1994 – Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. 438 с.
- Рахаев, 2014 – Рахаев Дж. Я. Кабардинские княжества в российско-османских отношениях в первой половине XVIII в. // *История народов России в исследованиях и документах*. М., 2014. С. 194-233.
- Тхамоков, 1961 – Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1961. 202 с.
- Фидарова, 2007 – Фидарова Р.З. Противоборство феодальных группировок и его влияние на упадок самостоятельности Кабарды (1720–1757 гг.) // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2007. С. 7-11.
- Хотко, 2009 – Хотко С.Х. Бесленей – мост Черкесии. Майкоп: Полиграф-Юг. 2009. 406 с.
- Юзефович, 1869 – Юзефович Т.П. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1869 г. 326 с.
- Терпеев, 2020 – Терпеев В.Т. 'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739 // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 55. Is. 1. Pp. 23-30.

References

- Aloev, 2005 – Aloev, T.Kh. (2005). Obrazovanie partii v Kabarde i vopros o nepreryvnosti ee gosudarstvennogo suvereniteta [Formation of parties in Kabarda and the question of the continuity of its state sovereignty]. *Istoricheskii vestnik*. 2: 100-113. [in Russian]
- Aloev, Zhansitov, 2018 – Aloev, T.Kh., Zhansitov, O.A. (2018). Politicheskii protsess v Kabarde v 40-kh gg. XVIII v.: vnutrennie kollizii v kontekste mezhdunarodnogo priznaniya «vol'nosti» strany [The political process in Kabarda in the 40s. XVIII century: internal collisions in the context of international recognition of the country's "freedom"]. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniï*. 2(37): 14-22. [in Russian]
- Avakov, 2018 – Avakov, P.A. (2018). Krymskoe khanstvo v voenno-politicheskikh planakh Rossiiskoi imperii 1735 g. [Crimean Khanate in the military-political plans of the Russian Empire in 1735]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. 2: 8-42. [in Russian]
- AVPRI – Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of the foreign policy of the Russian Empire].
- Azikova, 2016 – Azikova, Yu.M. (2016). Status Kabardy vo vzaimootnosheniyakh s regional'nymi derzhavami v XVI–XVIII vv. [The status of Kabarda in relations with regional powers in the 16th – 18th centuries]. *Voprosy istorii*. 5: 60-73. [in Russian]
- Bushuev, 1956 – Bushuev, S.K. (1956). K istorii russko-kabardinskikh otnoshenii [To the history of Russian-Kabardian relations.]. Nal'chik, Kabardinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 196 p. [in Russian]
- Butkov, 1869 – Butkov, P.G. (1869). Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 g [Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803]. Ch.I. SPb, 548 p. [in Russian]
- Deinikov, 2009 – Deinikov, R.T. (2009). Rossiya, Turtsiya i Krymskoe v 40-60-Kh GG. XVIII v. [Russia, Turkey and Crimean in the 40s-60s. XVIII century]. *Rossiiskaya istoriya*. 6: 147-157. [in Russian]
- Fidarova, 2007 – Fidarova, R.Z. (2007). Protivoborstvo feodal'nykh gruppirovok i ego vliyanie na upadok samostoyatel'nosti Kabardy (1720–1757 gg.) [Confrontation between feudal groups and its influence on the decline of independence of Kabarda (1720–1757)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. Pp. 7-11. [in Russian]

- Gardanov, 1967** – *Gardanov, V.K.* (1967). Obshchestvennyi stroi adygskich narodov [The social system of the Adyghe peoples]. M. Nauka, 331 p. [in Russian]
- Grabovskii, 2020** – *Grabovskii, N.F.* (2020). Prisoedinenie Kabardy k Rossii i ee bor'ba za nezavisimost' [The accession of Kabarda to Russia and its struggle for independence]. Kabarda: slava Kavkaza, vol'nosti shchit. XVI–XX vv. Pyat' vekov v pyati knigakh. Kniga III. Nal'chik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 440 p. [in Russian]
- Kalambii, 1987** – *Kalambii (Adyl'-Girei Keshev)* (1987). Zapiski cherkesa [Circassian notes]. Nal'chik, El'brus, 272 p. [in Russian]
- Kazharov, 1994** – *Kazharov, V.Kh.* (1994). Traditsionnye obshchestvennye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [Traditional social institutions of Kabardians and their crisis at the end of the 18th – first half of the 19th century]. Nal'chik, Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 438 p. [in Russian]
- Khotko, 2009** – *Khotko, S.Kh.* (2009). Beslenei – most Cherkessii [Beslenei – Circassian Bridge]. Maikop, Poligraf-Yug, 406 p. [in Russian]
- KRO** – Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. (Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh) [Kabardino-Russian relations in the 16th – 18th centuries. (Documents and materials in 2 volumes)]. M., Izd. Akad. Nauk SSSR, 1957, vol. II. 424 p. [in Russian]
- Kudashev, 1991** – *Kudashev, V.N.* (1991). Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode [Historical information about the Kabardian people]. Nal'chik, El'brus, 188 p. [in Russian]
- Naloeva, 1968** – *Naloeva, E.Dzh.* (1968). K voprosu o sotsial'nykh otnosheniyakh v Kabarde v pervoi polovine XVIII v. [On the issue of social relations in Kabarda in the first half of the 18th century]. *Vestnik KBIGI*, vyp. I. [in Russian]
- Naloeva, 1972** – *Naloeva, E.Dzh.* (1972). K voprosu o gosudarstvenno-politicheskom stroe Kabardy pervoi poloviny XVIII v. [To the issue of the state and political system of Kabarda in the first half of the 18th century]. *Vestnik KBIGI*. 6. [in Russian]
- Rakhaev, 2014** – *Rakhaev, Dzh.Ya.* (2014). Kabardinskie knyazhestva v rossiisko-osmanskikh otnosheniyakh v pervoi polovine XVIII v. [Kabardian principalities in Russian-Ottoman relations in the first half of the 18th century]. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh*. M. Pp. 194-233. [in Russian]
- Tepkeev, 2020** – *Tepkeev, V.T.* (2020). 'By Order of Her Imperial Majesty, He is deployed in the Kuban Region to Search out Local Tatars'. The Russo-Turkish War of 1735–1739: Kalmyk Troops in the Campaign of 1739. *Bylye Gody*. 55(1): 23-30.
- Tkhamokov, 1961** – *Tkhamokov, N.Kh.* (1961). Sotsial'no-ekonomicheskii i politicheskii stroi kabardintsev v XVIII v. [Socio-economic and political system of the Kabardians in the 18th century]. Nal'chik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 202 p. [in Russian]
- Yuzefovich, 1869** – *Yuzefovich, T.P.* (1869). Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Treaties between Russia and the East. Political and commercial], SPb, Tip. O.I. Baksta, 326 p. [in Russian]

Экссесс с кланом Мисост в Кабарде в 1740-х гг. и конкурирующие сценарии стабилизации политической системы

Тимур Хазраилович Алоев ^{a, *}, Юлия Владимировна Бунькова ^b, Осман Асланович Жанситов ^a

^a Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Нальчик), Российская Федерация

^b Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Аннотация. В контексте исторического сюжета второй половины 40-х гг. XVIII в. в настоящей статье предпринимается попытка выявления одного из модусов преодоления внутривнутриполитического конфликта в Кабарде посредством сопоставительного анализа с системой инициатив российского правительства по преодолению деструктивной для его интересов коллизии в сопредельном княжестве. В работе раскрывается основная установка российской стороны в отношении Большой Кабарды в период после заключения Белградского трактата 1739 г. Если до этого Россия проявляла стремление к сохранению единства политической элиты княжества как залога эффективного противодействия крымской экспансии в регионе, то с конца российско-османской войны 1735–1739 гг. цели Петербурга в отношении традиционных партнеров претерпевают изменения. Задачей российского внешнеполитического ведомства становится поддержание ситуации конкуренции между двумя группировками черкесских князей. Ввиду того, что с середины 20-х гг. XVIII в. наиболее

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aloborsa@mail.ru (Т.Х. Алоев), y.bunkova@inbox.ru (Ю.В. Бунькова), osman.zhansitov@yandex.ru (О.А. Жанситов)

последовательным контрагентом Петербурга была Баксанская партия, именно на нее была сделана ставка. Весной 1747 г. один из столпов этой группировки – феодальный клан Мисост – вынуждено покинул пределы княжества. Ввиду оформления новой внутриполитической конфигурации в Кабарде устойчивость российского влияния в делах «барьерного» княжества оказалась под угрозой. Это подвигло российское руководство к попыткам восстановления приемлемого для его интересов status-quo. Трендсеттерами восстановления внутриполитического баланса в Кабарде выступила также триада тлехотлешских родов – Кундет, Тамби(й) и Анзор, недовольных дестабилизацией политической системы и обладавших достаточными идеологическими и военно-политическими ресурсами для принуждения доминирующего княжеского альянса к согласию на возвращение изгнанников.

Ключевые слова: Кабарда, Баксанская партия, Кашкатауская партия, Мисост Касай, изгнание, тлехотлешы, Российская империя, реинтеграция, Белградский трактат, Крымское ханство.